

Юрий Табак

Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА

Однажды ныне покойный С. С. Аверинцев заметил: «Как жаль, что мы не в силах всё вместить и всё любить». Эти слова в высшей степени применимы к поискам возможного инструментария межрелигиозного диалога и обозначают его принципиальную ограниченность.

Когда мы говорим о целях диалога, то необходимо сразу отбросить тривиальную цель, которая преследовалась в религиозных диспутах на протяжении древности и Средневековья, а именно желание обратить в свою веру. Участники современного межрелигиозного диалога — в основном люди приличные, интеллигентные, декларирующие иную цель: лучше понять друг друга, установить некоторое взаимопонимание, почерпнуть что-то из духовного багажа другого человека на пользу себе самому. Однако никак нельзя исключить (и думается, что так оно и есть), что в глубине души у многих есть ощущение: истина — одна, и ее несет в себе именно та религия, которую исповедую я. И если в ходе диалога мне по-настоящему удастся раскрыть эту истину другому, он ее примет.

Однако именно здесь и начинаются очень серьезные проблемы. Для ведения диалога необходимы соответствующие условия — говоря языком Мартина Бубера, наличие пространства диалогического взаимодействия между двумя субъектами — «я» и «ты». Каждый из участников диалога должен признать абсолютную ценность позиции собеседника, т. е. не уступающую ценности его собственной позиции. Но религиозное сознание носит преимущественно эксклюзивистский характер, и это условие практически недостижимо: верующий человек высказывает претензии на обладание абсолютной истиной, не предполагающие наличия иной истины. И прежде всего такое сознание характерно для монотеистических религий.

Конечно, религиозное сознание иерархично, и на разных его уровнях есть ценности, совпадающие с ценностями иных религий. Однако на высших уровнях этой иерархии всегда обретаются эксклюзивные ценности. Например, собеседника-нехристианина невозможно убедить в истинности фундаментального положения христианской веры о богосыновстве Иисуса Христа — это предмет индивидуальной веры христианина, который собеседник разве что может принять к сведению. Разумеется, можно предложить спуститься с верхних уровней иерархии и обсудить общие этические ценности, например заповедь «люби ближнего своего». Однако религиозные ценности высшего уровня оплодотворяют, пронизывают все уровни человеческого сознания. В частности, есть такой очень важный элемент религиозного сознания, как сотериологический (представление о спасении, избавлении в рамках данной религии). И если участники диалога вступают в него в сознании того, что «истина, которой я обладаю, единственно спа-

сительна», что они (или, по крайней мере, один из них) — обладатели эксклюзивной истины, то в тот же момент еще не начавшийся диалог можно считать законченным: нарушается главное его условие — признание абсолютной ценности позиции другого. За интеллигентностью, терпимостью, добротой и даже любовью к «ближнему» будет просматриваться снисходительность: «я же все равно знаю, что есть истина, и я вам постараюсь ее раскрыть». И это уже, по существу, не диалог, а монолог — человек будет высказывать некие суждения, призванные раскрыть другому «истинную» веру, обратить его.

В Средние века христиане обращали евреев огнем и мечом, в Новое время — словом. Кстати, именно этим занимались по отношению к еврейству и русские религиозные философы-христиане. Часто это были просвещенные и умнейшие люди, но даже в самом уважительном их дискурсе сквозило желание обратиться евреям: «мы им раскроем истину, и они придут ко Христу — в историческое или эсхатологическое время»; «мы будем настоящими христианами, тогда они поймут, с кем истина, и придут к нам». В. С. Соловьев наиболее близко подошел к осознанию подлинных условий диалога, но и он в итоге не пересек черты, за которой открывается подлинный диалог, описанный Бубером.

То же самое относится и к иудеям — участникам диалога. В силу своих исторических особенностей сотериологическая концепция ортодоксального иудаизма больше располагает к диалогу. Она не является в полном смысле эксклюзивистской и не предполагает, что спастись могут одни только иудеи. Она утверждает, что спасутся праведники и других народов, если они соблюдают самые общие требования монотеистической религии, так называемые Ноахидовы законы (семь заповедей). И даже если идея религиозной избранности народа Израиля давно получили в иудаизме теологическую форму, в рамках которой такое избранничество рассматривается как бремя, как дополнительная ответственность, возложенная на евреев, в сравнении с другими народами, а вовсе не в смысле того, что иудеи «лучше» других народов, тем не менее, идея религиозной избранности трансформировалась в сознании многих верующих иудеев в идею национально-религиозного высокомерия. В итоге иудеи опять-таки посматривают на своего собеседника в лучшем случае снисходительно, и диалог снова тут же рушится.

Итак, чтобы создать пространство диалога, требуется отказаться от эксклюзивистской модели сознания.

Всего в религиозной психологии выделяют три модели. Помимо эксклюзивистской, когда верующий человек признает всю полноту истины только за своей религией, есть еще так называемая «инклюзивистская» — она признает существование элементов истины во всех религиях, и общая истина как бы собирается из многих источников. Наконец, существует «плюралистическая» модель, в рамках которой утверждается, что истин множество и любая религия несет в себе собственную истину. Иначе говоря, у каждого верующего есть своя истина: у христианина — одна, у иудея — другая, и никакая истина не лучше и не выше другой. Если участники диалога приняли бы такую модель, то необходимые условия для диалога были бы созданы: у них отпала бы внутренняя потребность «перетягивать» другого на свою сторону. Но это очень непросто (о ценности самой модели по сравнению с другими говорить не будем): по сути дела, ее характеризуют слова замечательного американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, *“the test of a first-rate intelligence is the ability to hold two opposed ideas in the mind at the same time, and still retain the ability to function”* («о самых высо-

ких умственных способностях свидетельствует способность человека совмещать в голове две противоположные идеи и при этом сохранять способность к действию»). И следовать этой, третьей модели — «плюрализму истин», подавляющее большинство людей не готовы.

Что касается «инклюзивистского» подхода, то такая модель более приемлема для либеральных религиозных течений, но не для ортодоксии. Ортодоксальный верующий (будь то православный христианин, мусульманин, иудей) не готов признать истинность некоего компендиума древних религиозных традиций, что позволило бы отчасти признать самоценность собеседника по диалогу. Христианин скажет, что его религиозная истина полна, и процитирует слова Иисуса: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6); мусульманин скажет, что Коран вместил в себя мудрость Ветхого и Нового Завета и исправил заблуждения иудеев и христиан; иудей же может привести древнюю еврейскую легенду о том, что Господь творил мир, читая Тору, — т. е. в ней уже все написано, так зачем же нам что-то еще?

Вместе с тем на Западе имеет место явная тенденция размывания высших ценностей — в либеральном протестантизме, например, это все большее внимание к «теологии снизу», у иудеев-реформистов — уход от идеи индивидуального мессии и т. д. И не случайно в межрелигиозных конференциях участвует мало ортодоксальных верующих, а представлены в основном либеральные конфессии.

Но можно задаться вопросом, в некотором смысле провокативным, о репрезентативности «представителей от религии»: насколько эти участники диалога представляют соответствующие религии в их классически-историческом понимании? Есть ли это, по существу, диалог между тем, что мы называем «иудаизмом» или «христианством»? Скажем, можно ли называть иудеев-реформистов представителями «иудаизма», если Ассоциация реформистских раввинов в США утвердила возможность официального синагогального брака однополых пар? Понятно, что такой шаг, среди прочих, являет собой радикальный отход от классической еврейской традиции, от того, что мы называем «иудаизмом Торы» в историческом смысле.

Собственно, ни в одной религии, по самой ее институциональной конструкции, практически невозможно апеллировать исключительно к первоисточнику напрямую, потому что источник интерпретируют по-разному — через такую составляющую религиозной веры, как предание. В иудаизме преданием является Устная Тора, которая в основе своей диалогична, и там имеет место более сильное напряжение между универсалистской и партикуляристской тенденциями, чем в ортодоксальном христианстве и исламе. Средневековая иудейская община ради сохранения своей религии, с одной стороны, сознательно отгораживала себя и свою веру от преобладающего и враждебного христианского мира. С другой стороны, из необходимости пытаясь наладить отношения с господствующей религией, авторитетные раввины из многообразного диалогического религиозного наследия сознательно выбирали примеры универсализма, доброжелательного отношения к иноверцам. Разумеется, положение современных иудеев невозможно сравнить с положением средневековой гонимой общины, но тенденции отчасти сохранились.

Иудеи из числа активных участников диалога оперируют универсалистской составляющей иудейского наследия, обходя стороной противоположную состав-

ляющую. Но вот недавно один ортодоксальный раввин из Израиля последовательно изложил крайне партикуляристские, очень жесткие примеры талмудического отношения к иноверцам. Причем некоторые из них такие, что их даже цитировать неудобно (такими древними примерами, хотя обычно искаженными, а то и придуманными, пользуются махровые антисемиты). И этот раввин довольно убедительно показывает, что, с точки зрения авторитетности их источников, такие примеры более весомы, чем примеры универсалистского свойства. А далее он проводит мысль: «А почему, собственно, мы должны следовать каким-то современным идеям человеческого братства, гуманизма, всеобщего равенства? У нас есть наша древняя традиция, мы должны ей следовать. И почему нам надо отступать от традиции в угоду современным понятиям о правах и равенстве людей?» И нельзя отрицать, что он вполне представляет иудаизм в его исконном древнем виде, что он действительно следует преданию. (Как, впрочем, следовали бы преданию и те, кто апеллирует к универсалистским примерам.)

Подобное же напряжение присутствует и в христианстве, и в исламе. Например, одни и те же понятия ислама — *умма* (сообщество верующих), *дар уль ислам* (территория ислама; земля, где правит ислам), *джихад* — меняли свое содержание на протяжении истории и могут трактоваться в очень широком спектре значений, часто полярных. И каждый выбирает то значение, которое ему ближе. В частности, некоторые имамы выпускают фетвы (решения, выносимые о соответствии какого-либо действия Корану), в которых ссылаются на Коран и благословляют антиизраильский террор. А вот секретарь Ассоциации мусульман Италии шейх А. Х. Палацци занимает абсолютно произраильскую позицию. Почитать его доклады, — так создается впечатление, будто читаешь труды израильского раввина. Его ортодоксальные иудеи вывозят на все конференции, где он отстаивает права Израиля и иудеев, при этом тоже ссылаясь на Коран. То есть уже внутри каждой из религий есть разные традиции и течения, различные интерпретации, порой диаметрально расходящиеся.

Что тогда подразумевать под межрелигиозным диалогом? И между кем ведется такой диалог?

Ну и, наконец, еще одна важная проблема. Очень часто в ходе диалога его участники, отстаивая или просто приводя в пример заслуги своей религии, ссылаются на достигнутые ею позитивные результаты. Да, все мировые религии имеют огромные духовные и культурно-исторические заслуги, без которых невозможно современное общество. Но есть еще и исторические итоги развития человечества на данный момент — развития, определявшегося в значительной мере религиозной составляющей. И каковы они?

Эмпирик смотрит на все, что происходит в христианской ойкумене, довольно уныло: «К чему, собственно, пришел христианский мир за двадцать веков? Если взять и посмотреть взглядом эмпирическим, то к краху». И он прав. Очень многие социологи, да и сами христианские деятели это признают: после двадцати веков христианской цивилизации, узаконенной «религии любви», мир пережил нацизм и сталинизм, Вторую мировую войну. Солдаты с пряжками на ремнях, на которых было написано “*Gott mit uns*” («С нами Бог»), дети благочестивых бюргеров — протестантов и католиков — убивали миллионы ни в чем не повинных людей. А сейчас? Мы видим, как пустеют церкви, как происходит секуляризация, отказ от традиционной христианской этики. Творцы европейской конституции даже отказались вставить в нее слово «Бог».

А иудаизм? После двадцати веков гонений сохранился еврейский народ, но лишь очень небольшая часть евреев придерживается традиционных иудейских заповедей. Резко возрастает количество смешанных браков. Реформисты и в известной степени консервативная синагога отказались от многих исторических атрибутов традиционного иудаизма. Можно ли назвать Израиль реализацией вековых чаяний о возвращении в Святую землю? Где 80 % населения — практически неверующие, большинство из которых к иудеям-ортодоксам относится враждебно? Где открывается все больше лавок, торгующих свининой, и где в субботу в Тель-Авиве открыты рестораны и «массажные кабинеты»?

А ислам, которого сейчас все боятся, отождествляя историческую религию с его нынешним радикальным крылом?

Эмпирик на это все скажет: исторически все монотеистические религии претерпели крах. Духовный прогресс не состоялся. Ни человек, ни общество не стали лучше.

Однако человеку верующему все нипочем. Христианин заметит: да, все плохо, человечество погрязло в грехе, но сохраняется «святой остаток», и второе пришествие Христа преобразует мир. Иудей, вопреки всем историческим несчастьям и унылой статистике, будет ждать прихода Мессии, восстановления Храма и построения счастливого земного царства. А интеллигентный мусульманин будет в ужасе от того, что творят в мире люди, определяющие себя как его единоверцы, но знает: Аллах все равно когда-нибудь накажет зло...

Подлинная вера не требует эмпирических подтверждений. Поэтому попытка верующих собеседников оперировать фактами тоже ни к чему не ведет. Когда-то В. В. Розанов прочитал «Оправдание добра» В. С. Соловьева и написал ему письмо, в котором выразил несогласие с тезисом Соловьева, что «та религия истиннее, чьи исповедники нравственнее». Когда это письмо в конце 90-х показали С. С. Аверинцеву, то он, всегда говоривший про Розанова кратко: «Я его боюсь», — на этот раз заметил: «А здесь он, пожалуй, прав», т. е. дела не определяют качества веры.

Мы можем приводить в качестве примера героические поступки праведников, спасавших в разные исторические эпохи представителей других религий, можем обсуждать совместные экологические, социальные программы. Но можно ли все это назвать «межрелигиозным диалогом» в полном смысле этого понятия? А чтобы просто узнать о религиозных постулатах друг друга, разве не проще взять соответствующие книжки и почитать? Но опять же — есть ли это диалог? А что тогда «диалог»? И имеет ли смысл вести его? Вопрос остается открытым.